

Яркие, разнообразные по форме мармеладки собрались вместе, и в свете дня они были подобны Цзююэ в Даочэне — соблазнительные, свободные цвета, сновидческие, обрушивающиеся на тебя, застывающие в душе, не позволяющие пошевелиться. Или же бесчисленным шёлковым тканям и прекрасным яшмам, чьи благоухающие души и яркие духи мгновенно уносят твоё сознание.

Тан Сяотан смотрел на этот бассейн, полный мармелада, и вся его конфетка была потрясена!

Так, так красиво!

Потрясённая конфетка уже не знала, что и сказать!

Всё это хозяин с душой приготовил для Тан Сяотана!

Потрясение от океана конфет мгновенно сменилось благодарностью и любовью к хозяину. Тан Сяотан уткнулся головой в шею хозяина:

— Хозяин такой хороший, Тан Сяотан даже не знает, как любить хозяина, у-у-у!

Тан Сяотан обязательно защитит хозяина!

Тан Сяотан поклялся про себя!

Сердце и лёгкие распирало, любовь к хозяину, словно пузырьки в коле, переполняла и переливалась через край из глаз.

Мармеладный мишка, трущийся о шею, был мягким, словно большой желеобразный десерт, и это потирание вызывало приятный зуд.

Сы Ханьцзюэ поспешил ухватить его за большую голову и мягко сказал:

— Ладно, поиграй здесь немного, с наступлением темноты мы поедем домой.

Тан Сяотан серьёзно кивнул.

Сейчас Тан Сяотан больше всего слушается хозяина.

Он поднялся, вскарабкался на плечо Сы Ханьцзюэ, глубоко вдохнул, втянул круглый животик, надул грудь, вытянул ручки в стороны и с исключительной сосредоточенностью уставился на океан мармелада внизу.

Сы Ханьцзюэ приподнял бровь, с интересом наблюдая за ним.

Тан Сяотан тоненько крикнул:

— Тан Сяотан летит!

С этими словами он, головой вниз, оттолкнулся от плеча хозяина и, подобно спортсмену, прыгающему со скалы в море, по дуге смело нырнул в конфетный бассейн!

Сы Ханьцзюэ не сдержал улыбку.

Из-за слишком большой головы, прыгнув в конфетный бассейн, Тан Сяотан врезался головой в кучу мармелада, и снаружи остались торчать лишь его маленькая попка и две короткие ножки.

Ножки дрыгались, но перевернуться ему никак не удавалось.

— М-м-м, хозяин, вытащи Тан Сяотана!

Сы Ханьцзюэ пальцами ухватил за дрыгающиеся ножки мармеладного мишки и, словно выдёргивая побег чеснока, вытащил его.

Тан Сяотан, не смущаясь, принялся весело плавать.

Неуклюженькое тельце копошилось в куче конфет, словно маленький червячок.

Сы Ханьцзюэ сел на стул рядом, выпрямив спину, скрестив длинные ноги и сложив руки на коленях. Он внимательно и сосредоточенно наблюдал за счастливым мармеладным мишкой.

Сладкая радость заразительна.

Восторженные возгласы Тан Сяотана наполнили особой оживлённостью и без того шумную кондитерскую. Сы Ханьцзюэ не говорил ни слова, просто молча смотрел.

Густой свет золотисто-красного заката широкими потоками лился из окна, заливая всё пространство.

Солнечный свет был нежным, как мягкий пушок на щёчках младенца, окутывая розоватую маленькую конфетку ореолом, подобным ангельскому.

Те золотистые искорки, что отражались в глазах Сы Ханьцзюэ, обладали каким-то магическим, лазуритовым блеском.

Его тонкие веки опустились, а в глубине взгляда был лишь забывший обо всём от счастья мармеладный мишка.

Он должен был защитить свою маленькую конфетку.

Сы Ханьцзюэ молча смотрел на свои пальцы. Чистый, длинный указательный палец правой руки казался ему теперь слегка тёплым.

Это была температура их тел, когда их пальцы соприкасались.

Несколько лет назад, в день поминовения бабушки, Сы Ханьцзюэ, не знаю по какой причине, очень захотел, чтобы Тан Тан составил ему компанию.

Тан Тан, проходивший практику в больнице, в белом халате, с чистым и послушным выражением лица, получив звонок от Сы Ханьцзюэ, выглядел невероятно удивлённым.

Пациент перед ним с тревогой спросил:

— Доктор, моя болезнь очень серьёзна?

— Нет, нет, не серьёзная! — Тан Тан, покраснев, пощупал ему пульс, выписал лекарства, а затем смущённо подошёл к доктору Цую. — Старший брат Цуй, я... я хочу отпроситься.

Бледное лицо доктора Цуя за холодными золотистыми очками казалось бесстрастным и холодным. Он даже не взглянул на Тан Тана, равнодушно произнеся:

— Иди.

Тан Тан сияюще улыбнулся.

Старший брат знал, что он не легкомысленный и не ленивый, понимал его происхождение и знал, что тот едва не угодил в тюрьму из-за соседа по комнате, поэтому даже не спросил, зачем ему нужно, просто разрешил.

Старший брат выглядел холодным, но в душе был очень добрым и тёплым человеком.

Тан Тан переоделся, накинул белый худи и светло-синие джинсы, выглядел чистым и невинным и поспешил по адресу, который дал ему господин Сы.

Прибыв на место, он только тогда узнал, что это было кладбище.

На небе клубились мрачные тучи, поднимался скорбный ветер.

Температура на кладбище, казалось, была ещё ниже, чем в других местах.

Огромное кладбище было пустынным, надгробия стояли ровными рядами, меж них росли вечхозелёные сосны и кипарисы — холодная, меланхоличная зелень.

Сы Ханьцзюэ стоял перед одним из надгробий и курил. Он был легко одет, его стройная фигура казалась трагически хрупкой.

Белый дымок едва успевал подняться, как рассеивался. Услышав звук шагов, Сы Ханьцзюэ медленно обернулся и многозначительно взглянул на него:

— Пришёл.

Тан Тан поспешно ответил:

— Да, пришёл.

Сы Ханьцзюэ слегка склонил голову:

— Подойди.

Тан Тан послушно подошёл и, наконец, разглядел на надгробии перед господином Сы изображение седовласой, изящной и элегантной пожилой женщины по имени Линь Лумин.

— Какое красивое имя, — сказал Тан Тан.

— Угу, это моя бабушка.

— А? Бабушка... Здравствуйте, бабушка! — Тан Тан, смутившись, сжал свои ладони и выпалил.

Спокойные глаза Сы Ханьцзюэ дрогнули, в них мелькнула усмешка:

— А ты быстро освоился.

Тан Тан смутился до красноты в лице.

Сы Ханьцзюэ сказал:

— Моего дедушку зовут Сы Гуй. «Я рождён без родины, покой сердца — вот мой дом». Вот это имя красивое.

— Как ты думаешь, — Сы Ханьцзюэ посмотрел на него боком, — они так хорошо ладили, но дедушка похоронен один в родовой гробнице, в одиночестве. Можно ли это считать домом?

— Нет, — сжал губы Тан Тан. — Где нет покоя в сердце, там нет дома.

Сы Ханьцзюэ фыркнул и рассмеялся.

— Верно. Тот человек... он хочет, чтобы у нас не было покоя, чтобы у нас не было дома.

Небо уже темнело. Мужчина зажал сигарету между длинными пальцами, поднёс к губам и глубоко затянулся.

Тлеющий огонёк озарил скрытую багровость в глазах Сы Ханьцзюэ.

Сы Ханьцзюэ докурил сигарету, зажал окурочек между пальцами и потушил его.

— Господин Сы!

Огонёк дёрнулся на кончиках пальцев Сы Ханьцзюэ. Тан Тан в ужасе бросился вперёд, инстинктивно схватил руку Сы Ханьцзюэ и стал разглядывать пальцы, которые тот только что обжёг, туша сигарету.

Тушить огонь пальцами — это же так больно.

Сумерки догорали, оставляя после себя лишь тлеющий, подобный пеплу, отсвет на далёких горных вершинах.

Небо и земля были смутными и неясными.

Сы Ханьцзюэ молча смотрел на встревоженного юношу.

Взор юноши был чист, как у кролика. Их пальцы соприкасались, передавая странную, двусмысленную температуру, словно тонкое пёрышко, коснувшееся единственного нежного места в сердце.

Тан Тан стоял боком, его светлая кожа слегка размывалась в полумраке, и две нежные губы особенно резко выступали на этом неясном фоне.

Как у человека могут быть такие прекрасные губы.

Не тонкие и не полные, в самый раз, производящие впечатление сказочно мягких. Линия губ была чёткой, бугорок верхней губы слегка приподнят, что придавало лицу невинное, простодушное выражение. Лёгкий румянец, сладость и мягкость, словно вкусный бутон розы.

Сы Ханьцзюэ резко отдернул руку, грубо оттолкнул Тан Тана и молча направился к выходу с кладбища.

Оттолкнутый Тан Тан опомнился не сразу и подумал, что, наверное, вёл себя слишком фамильярно, и господину Сы это не понравилось.

Он застыл на месте, в тревоге глядя на удаляющуюся широким шагом спину господина Сы.

Через мгновение Сы Ханьцзюэ вдруг остановился, не оборачиваясь. Только его слегка сдавленный, хриплый голос донёлся с ветром:

— В следующий раз... в следующий раз я приведу тебя сюда...

В следующий раз, когда мы снова встанем здесь, возможно, у меня хватит смелости громко сказать своему единственному родному человеку.

Он — тот, кто дарует мне покой.

Он — мой дом.

День поминовения бабушки снова приближался. Сы Ханьцзюэ выдохнул, глядя на резвящегося перед ним мармеладного мишку. Сладостная температура, запечатлевшаяся тогда на подушечках пальцев, отпечаталась в сердце, не желая исчезать, застревая там и сладкой, и горькой горечью.

Став мармеладным мишкой, Тан Тан больше не испытывал прежней тревоги и нерешительности, больше не был похож на вечно пугливого кролика, боящегося, что один неверный взгляд, одно неловкое движение снова вызовут недовольство господина Сы.

Мармеладный мишка любил — значит любил, сердился — значит сердился, беззаботный, без страха и опасений.

Будто бы... таким человеком, каким Тан Тан больше всего хотел стать.

Но так нельзя было продолжать вечно.

Завтра я начну печатать с утра, я стану дисциплинированной птичкой-букашкой!

<http://bllate.org/book/15589/1395478>